

**Одна против всех.
Психологические триллеры**

Агата Горай

ПАМЯТЬ

**БЕЗ СРОКА
ДАВНОСТИ**

#ОДНА
ПРОТИВ
ВСЕХ

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г67

Разработка серийного оформления
М. Коняевой

Горай, Агата.

Г67 Память без срока давности / Агата Горай. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с. — (Одна против всех. Психологические триллеры).

ISBN 978-5-04-095717-0

С детства Лиза Кот была не такой, как все: её болезнь — гиперамнезия — делала девочку уникальной. Лиза отчетливо помнила каждый день своей жизни. Но вскоре эта способность стала проклятьем. Слишком много в голове Лизы ужасных воспоминаний, слишком много боли она пережила, слишком много видела зла. Но даже ее сверхмозг не может дать ответа, как все изменить...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-095717-0

© Горай А., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство
«Эксмо», 2018

В исключительно редких случаях жизнь бывает безоблачной, простой и легкой, но чтобы увидеть и оценить всю ее прелесть, несмотря ни на что, ее стоит прожить от начала до конца.

*Посвящается Анне.
Ты навсегда в наших сердцах.*

«Это было», — сказала Память.

«Этого не могло быть», — сказала
Гордость.

И Память сдалась.

Фридрих Вильгельм Ницше

— Этой ужасной минуты я не забуду никогда в жизни.

— Забудешь, если не запишешь.

*Льюис Кэрролл.
«Алиса в Зазеркалье»*

ЛИЗА КОТ

Наши дни

Если бы я могла, я бы давно самостоятельно сделала себе лоботомию. Вот так просто — раз, и все содержимое черепной коробки в мусорное ведро.

Что делают с бракованными запчастями? Их заменяют качественными. Как ведет себя костер, в который регулярно подбрасывают хворост? Он никогда не угасает, даже если скупое тлеет. Что произойдет с воздушным шаром, если его перекачать гелием? Он лопнет. По подобным принципам устроен мой мозг: изначально дефектный, но на протяжении двадцати пяти лет получавший свою порцию топлива, в итоге механизм взорвался.

Я была симпатичным ребенком, и взрослой должна была стать красоткой, но не судьба.

«Не судьба» — принцип, по которому строится вся моя жизнь.

С раннего детства я была особенной. И пусть внешне ничем не отличалась от других детей, кое-что внутри меня все же было не так.

Умница Лиза неустанно радовала родителей уникальной способностью помнить все. Я была домашней обезьянкой, по первому требованию выступающей на арене — перед гостями нашего дома. Народ всегда умиляло, когда кроха с парой огромных бантов на голове, обязательно наряженная в розовое платье, торжественно поставленная в центре комнаты, как по волшебству выкладывала самые невероятные факты из прошлого.

«Подумать только! Лиза, как ты можешь помнить день рождения сестры в таких подробностях? Я-то уж давно забыла, в пеленку какого цвета была завернута Клавдия и как часто я кормила ее в тот день».

«Лиза, не подскажешь, прошлое Рождество было снежным, или я путаю его с позапрошлым?»

«Лиза, а ты случайно не видела, куда два месяца назад бабушка девала свою вставную челюсть? Дай бог, чтоб я снимала ее при тебе, а то ведь мне самой ни в жизнь не вспомнить, где мои парадно-выходные зубы».

«Лиза...», «Лиза...», «Лиза...»... Сосчитать все эти «Лиза» сложно будет даже мне, их слишком много в моей жизни.

В детстве подобные развлечения выглядели забавно. Когда тебе меньше шести и большинство самых горьких воспоминаний — это шлепок маминой руки по твоей заднице или стертые до крови колени, это не так и страшно. Но жизнь, по крайней мере моя, не закончилась в шесть, и уже к этому возрасту в памяти хранились несколько болезненных и неприятных

моментов. Воспоминания, которые не имели великой силы в детстве (детский мозг не в состоянии был их осмысливать правильно), хранятся и созревают. Они будто выжидают, чтоб подгнившим плодом упасть с дерева памяти в самый подходящий момент.

Вспоминать себя в образе светловолосого курчавого ангела с незатуманенным мозгом мне иногда приятно. Если задуматься, это были самые счастливые дни.

«Лиза, ты обязательно станешь вторым Рахманиновым или Рузвельтом», — сияя от счастья, любила повторять мама. Папа в этот момент, развалившись в кресле с бутылкой пива, гордо приподнимал голову и широко улыбался.

Я понятия не имела, кем являются люди, к которым меня приравнивают, но ужасно важничала от того, что мама сравнивает меня с ними, что она так довольна.

Позже я узнала, что хорошей памяти недостаточно для нормальной жизни, потому что в жизни гораздо больше дней, месяцев и лет, о которых хочется забыть навсегда. Собственные прожитые дни, будто давно подохшие твари, разлагаются и своим трупным ядом уничтожают меня изнутри.

О том, что я не вундеркинд и моя память далеко не феноменальна, что я даже не «человек дождя» из знаменитого фильма, все мы узнали, когда я пошла в школу.

МАМА

27 ноября 1993 года

(первый класс, шесть лет)

— Лиза, как ТЫ можешь получать двойки? Я не понимаю.

На маме трикотажный халат цвета кофе с молоком в мелкие розовые цветочки, с рукавами в три четверти. Подол чуть ниже колен, а талию подчеркивает небрежно затянутый пояс. Короткие волосы идеально уложены, как у Гитлера, только другого цвета — орехового, а вот длина и пробор идентичны. Я только что вернулась из школы, и мама, отложив в сторону книгу, которую читала, сидя в одном из двух кресел нашей гостиной, привычно взялась просматривать мои отметки.

Я пожимаю плечами и не знаю, что ответить. «ТЫ», скользнуло в мои уши не как обычное слово, а как лезвие ножа. Подобная интонация мне была еще не знакома — упрек, укор, обвинение. Чувствую себя виноватой настолько, насколько может себя чувствовать не ребенок, принесший в своей тетради плохую оценку, а человек, случайно нажавший на

кнопку запуска ядерной боеголовки. Уничтоживший тем самым небольшое государство.

Я не привыкла слышать из уст мамы в свой адрес ничего, кроме похвалы и восхищения (за исключением тех случаев, когда я реально в чем-то бывала виноватой). Я не знаю, что происходит с моим организмом и почему каждый сантиметр моего тела сейчас пробивает мелкая дрожь. Мое лицо опущено вниз, а все еще по-детски пухленькие пальчики обеих рук хаотично то сплетаются, то расплетаются между собой.

— Лиза, ты ведь такая умная девочка, почему твои тетради пестрят облаками?

Пасмурная тучка в тетради первоклассника — это двойка. Солнышко — пятерка. Тучек было достаточно, а небесное светило встречалось на моих неаккуратных страницах гораздо реже. Одна звездочка — тройка, а две — четверка. Но мои школьные будни скорее напоминали Туманный Альбион, чем звездное небо. Звездами собственного производства пестрели разве только мои тетрадные обложки. Я любила возить шариковой ручкой по бесцветным клеенчатым обложкам, вдохновенно вырисовывая на них звезды, цветы, солнце и просто каракули разных мастей. Но, судя по недовольному маминому лицу, моих звезд ей было недостаточно.

— Не знаю.

Это был честный ответ. Я и в самом деле не знала — почему. Наверное, потому, что хорошая память еще не признак одаренности во всем. На

заплетенных в невероятный узел ладошках появляется теплая капля, совсем скоро вторая. Я плачу.

— Милая, что ты! Не нужно плакать.

Мама поднимается с кресла. Забыв сунуть ноги в плюшевые домашние тапочки ядовитого горчичного цвета, которые мне безумно нравится примерять, пока никто не видит, мама присаживается возле меня на корточки и крепко прижимает к груди. Ее правая рука заботливо скользит по моей голове с растрепанными косичками, на концах которых дохлыми белыми хомяками висят банты.

— Я не ругаю тебя, милая. Лиза, нам просто нужно постараться, чтоб твои тетради стали похожими на вселенную с миллионом солнц. Ты ведь любишь солнечные дни? — мама отстраняется и дарит мне улыбку.

— Да, — бормочу сквозь слезы и обвиваю вокруг ее тонкой шеи свои ручонки...

Это одно из безвредных, казалось бы, воспоминаний не прошло для меня бесследно. Мне больше никогда не хотелось слышать **ТЫ** в подобном контексте. Я была ребенком, и словосочетания «ты такая умница» или «ты такая красавица» мне нравились куда больше этого «как **ТЫ** можешь». Но, к сожалению, жизнь не строится на одних похвалах. Каким бы ангельским ребенком ты ни был, мир, окружающий тебя, кишит демонами.

Учиться лучше после двадцать седьмого ноября тысяча девятьсот девяносто третьего я не стала. В этом

плане я ничуть не отличалась от своих сверстников — мое чистописание было «грязнописанием», математика — кибернетикой, а пение... То, что я до мелочей запомнила продемонстрированные нам портреты бородатого Чайковского и лысоватого Шаинского, никак не отразилось на моей способности правильно воспроизводить мелодии. Я не была круглой двоечницей, но и с отличниками не имела ничего общего.

Несмотря на то что я не блистала умом и сообразительностью, люди умудрялись находить что-то уникальное в девочке с диагнозом — гипермнезия. Повышенная способность к запоминанию и воспроизведению информации приводила в восторг многих, но на этом мои таланты заканчивались. Я легко могла вспомнить, что на мне было надето третьего мая тысяча девятьсот девяносто второго года (девяносто третьего или восемьдесят девятого, не суть), какой в этот день была погода и что мама готовила на ужин, но мне с трудом удавалось выучить стихотворение, а тем более таблицу умножения. Моя память работает по собственным правилам, которые я не в силах контролировать. Лучше всего мне запоминаются МОИ внутренние ощущения и чувства, МОИ переживания, прожитые МНОЮ дни.

Каждый **СВОЙ** прожитый день я помню так, будто это было вчера, и тихо радуюсь, что мой мозг все же не безграничное хранилище еще и чужого хлама.

В детстве обо мне часто писали в газетах, я была второй по значимости достопримечательностью

родного городка. Первой являлась расформированная в 1985 году тюрьма строгого режима «Сизый голубь». Название свое она получила из-за схожего с этой оседлой птицей окраса. Так, по крайней мере, на протяжении долгих лет утверждал экскурсовод, изо дня в день просвещающий по этому поводу десятки туристов: «Именно эти прекрасные птицы придерживаются определенной небольшой территории и не перемещаются за ее пределы. Естественно, «сизый голубь» не единственная птица, которой ни к чему длительные и утомительные миграции, но, как вы можете наблюдать, бетонная стена высотой в пять метров, изолирующая заключенных от внешнего мира, окрашена именно в сизый цвет. Не серый или черный, а темно-серый с синевато-белесым отливом, точь-в-точь как окрас голубиных перьев».

Прогулка по месту не слишком живописному должна была прийти по душе туристам, для чего и требовалось изощряться, экскурсовод справлялся с этой задачей как мог. Неприятный исхудавший старик в «подстреленных» из-за тугих подтяжек брюках, открывающих верх застиранных грязно-белых носков, будто заевшая пластинка, изо дня в день, а иногда несколько раз на дню повторял заученную речь. Казалось, заставить его замолчать может лишь смерть или паралич всего тела, лишь в этом он найдет спасение, освобождение от этой чертовой работы. У старика-экскурсовода на лице было написано, как сильно он ненавидит всех толпящихся зевак, за счет

праздного любопытства которых вынужден выживать. «Сизый голубь» — его личный Алькатрас, который покинули все заключенные, кроме него. До отведенного ему конца старик день за днем будет послушно отбывать в нем свое наказание. Это лучшее, на что он мог рассчитывать после двадцати пяти лет отсидки. Кому нужен сотрудник зэк?

Мне едва исполнилось десять, когда я впервые посетила тюремный двор. Случилось это пятого июня девяносто седьмого года. Погода была солнечная, воздух пропитан ароматом жасмина. Большинство моих ровесников пропадали на берегу озера, а я не придумала ничего лучше, чем развлечь себя с помощью «Сизого голубя». С моего дня рождения еще не прошло и недели. Подаренные бабушками деньги потратить я не успела, так что за входной билет могла спокойно заплатить из своего бюджета. Втайне от родителей (мама запрещала мне приближаться к этому «грязному» месту, хотя я не единожды общалась, что безумно хочу познакомиться со второй достопримечательностью нашего городка), я уверенно шагнула за огромные сизые ворота. Я попала в запретный мир, отчего чувствовала себя бунтаркой. Мне было интересно все. Я с любопытством заглядывала в пустующие камеры, охотно сравнивала столовую заключенных со школьной, активно представляла, чем во время прогулок во дворе занимались осужденные. Но на обратном пути я никак не могла избавиться от навязчивой мысли: будто посетила лекцию по орнитологии, а не прикоснулась к чему-то